

Блудный дом

Марк Шагал и его Витебск

Виктор Мартинович

Чем была бы Одиссея, если бы Улиссу некуда было возвращаться? Дом – место, куда снова и снова приходит герой после подвигов, разгоня женихов, успевших окружить супругу. А что, если такого дома нет? Что если твои отношения с родной землей, родным городом, превратились в главную драму твоей жизни? Может ли расти дерево без корней? И дерево ли человек? Нельзя ведь исключать, что, лишившись корней, человек не гибнет, а взлетает? Кажется, это ровно то, что произошло с Шагалом. Верным сыном блудного дома.

Витебск как Воспитатель

Шагал родился в Витебске в 1887 году и прожил в этом городе 20 лет до отъезда в Петербург, затем – еще 6 лет с 1914 по 1920-й. В общей сложности 26 лет жизни, из которых последние 6 – на пике активности. Сколько же друзей у него там появилось? О скольких людях в Витебске он мог бы сказать так, как он высказался однажды о парижской встрече с Блезом Сандраром, сравнив ее по значимости для своей жизни с «русской революцией» [8, 15]? Лишь об одном человеке Шагал вспоминает в светлых тонах. Лишь с одним человеком Шагал сохранил переписку после отъезда из города в 1920-м году. Лишь об одном человеке из Витебска Шагал говорил «мэтр» без сардонического подтекста. Человек этот – первый учитель художника, Иегуда Пэн. И даже тут – загадка. В своей биографической книге «Моя жизнь», полной – как это обычно бывает с автобиографиями гениев – тщательно выверенных мистификаций, Шагал заявляет, что учился у Пэна всего два месяца.

Портрет Шагала авторства его учителя Юдаля Пэна

The Prodigal House. Marc Chagall and his Vitebsk

The article by Dr. Viktor Martinovich, Associate Professor at the European Humanities University and a recognized expert on the Vitebsk Art School and the author of the monograph “Motherland. Marc Chagall in Vitebsk”, is dedicated to exploring the complex relationship of Marc Chagall with his hometown of Vitebsk, as well as with his teacher, patrons, colleagues and students. The overarching theme of the article is recognition and exile, seemingly inseparable companions in the lives of many geniuses.

Виктор Мартинович – писатель, доцент Департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ. Родился в Ошмянах, закончил БГУ, защитил PhD в Академии искусств Вильнюса по витебскому авангарду и отношениям групп Малевича и Шагала. Автор монографии «Родина. Марк Шагал в Витебске». Сфера научных интересов – история искусства и архитектуры, интерпретация наследия, герменевтика и философия искусства.

«Я получил от отца пять рублевых монет и неполных два месяца проучился в витебской школе Пэна. Что я там делал? Не знаю сам» [9, 32]. На самом деле у Пэна Шагал учился не два месяца, а 5 лет [6, 35], с 14 до 19 лет. Причем Иегуда Пэн очень скоро перестал взимать с него плату – так он часто делал, если ученик был из бедной семьи. Но Шагал и Пэн – люди из разных миров. Пэн делал то, что было очень востребовано в провинции. Он сам был носителем реалистического языка и учеников своих учил реализму. Шагал в момент написания воспоминаний¹ уже выработал собственный язык, который был в одинаковой степени далек и от кубизма, и от экспрессионизма. Признаться в том, что его путь в искусство начался со школы реалиста, тщательно копировавшего реальность и готовившего своих учеников быть по сути вывесочниками, то есть людьми, умеющими аппетитно изобразить маковую булку для витрины витебской лавки, Шагалу было не с руки. Пусть даже его уважение к Пэну было так велико, что, получив должность, он пригласил Пэна вести подготовительные классы в Народном художественном училище, остальные преподаватели которого сплошь были представителями бросавших вызов «новых школ и направлений». В 1923 году, уже находясь в Берлине, Шагал рекомендовал назначить Пэна директором Народного художественного училища, то есть попытался отдать ему тот пост, который когда-то занимал сам. Но рекомендация учтена не была, а Пэн был загадочным образом убит в 1937-м году – не исключено, к убийству было причастно НКВД, и причиной убийства была активная переписка Пэна с находившемся за границей Шагалом [7, 7].

Чему Пэн мог научить Шагала? Явно ведь, что не копированию натюрмортов и написанию бытовых сценок, устаревших в Европе еще в конце XVIII века, а в Витебске пользующихся популярностью до XX века. Скорее Пэн был не учителем, а воспитателем Шагала – в том смысле, который в слово «воспитатель» вкладывал Фридрих Ницше в своей статье «Шопенгауэр как воспитатель». Пэн преподавал Шагалу урок отношения к миру и

людям. Быть может, он также научил его видеть мир. Все остальные шаги по пути художника Шагала пришлось делать самому. И не благодаря, а скорее вопреки воспитателю. Очевидно при этом, что иногда воспитание заключается как раз в том, чтобы показать, как делать не надо – чтобы ученик сам понял, что станет его языком.

Витебск как Учитель

Петербург, Общество поощрения художеств и далее – Париж, в который Шагал поехал на стипендию, назначенную меценатом и депутатом Госдумы Максимом Винавером, нашли гораздо больше места в мемуарах художника. Он рад тому, что вырвался – и это видно в его текстах. Богемный образ жизни захватывает провинциала, знакомства с Аполлинером и Робером Делоне кружат голову. В Париже Шагал посещает Academie de la Palette, живет в коммуне художников «Улей» и стремительно теряет свою исключительность, превращаясь во второстепенного и бесталанного копииста чужих сюжетов и языков. Влияние, которое оказала на Шагала кубистическая Academie de la Palette, видно не только на картине «Половина четвертого» (1911–1912), традиционно связываемой с Академией, но и, например, в «Пьянице» (1911–1912), «Святом кучере» (1911–1912), «Поэте Мазине» (1911–1912). Тут видно старательное следование канонам кубизма: разложение изображаемых предметов на фрагменты и «выкручивание» каждого из фрагментов таким образом, чтобы он представлял наиболее убедительным образом. Но Шагал в Париже – не только плохой кубист. Шагал в Париже – еще плохой сезаннист (см. «Модель» 1910 год – обратим внимание на общую пастельную гамму, характерные для Сезанна приемы отработки крепировки платья) и плохой фовист: «Обнаженная в цветах» (1911), с ее декоративной листвой по обе стороны от женской фигуры, световыми пятнами на руках и ногах, общей пластикой силуэта с перекрещенными ногами, усиленными контурной линией – все это могло быть

¹ Время написания «Моей жизни» – еще один миф, заложенный художником в свою книгу. Сам Шагал утверждал, что она была закончена в 1922 году в Москве. Это абсолютно невозможно ввиду имеющихся в ней уничижительных оценок таких людей как нарком Луначарский, которых в свой московский период Шагал должен был боготворить. Впервые выдержки из этого текста появились в печати в 1925 году в Берлине в издававшемся на идише еженедельнике «Цукунфт». Отдельной книгой «Моя жизнь» была издана только в 1931 году в Париже. Русский оригинал рукописи утрачен, а перевод на французский готовила жена Марка Белла с помощью учителя французского языка своей дочери.

создано Матиссом, будь он чуть менее велик и примись копировать себя.

Шагалу понадобилось вернуться в Витебск и столкнуться с чередой бед и полным непониманием, чтобы стать самим собой. Он прибыл в Витебск в июне 1914 года для женитьбы на Белле Розенфельд: интеллектуалке и дочери богатого витебского ювелира. Шагал планировал вернуться в Париж в сентябре 1914 года. Первая мировая война началась 28 июля 1914 года и поставила крест на радужных планах. Шагал оказался запертым в Витебске, как Джек Торранс из «Сияния» в засыпанной снегами гостинице «Оверлук». Последовавшая затем большевистская революция разорила родителей его супруги. Экспроприация богатств Розенфельдов произошла между декабрем 1919 и началом 1920 года. Вот как об этом писал сам Шагал: «Как-то вечером у освещенных витрин остановились семь автомобилей ЧК и солдаты стали выгрывать драгоценные камни, золото, серебро, часы из всех трех магазинов. Потом вломились в квартиру проверить, нет ли и там ценностей. Забрали даже серебряные столовые приборы – только их успели помыть после обеда» [9, 85].

Картины Шагала не продаются. Да и кому бы они были нужны в полуголодном городе? Пользуясь покровительством Анатолия Луначарского – в Париже малоизвестного художественного критика, написавшего первые лестные отзывы о живописи Марка, а теперь, после революции, ставшего Народным комиссаром просвещения – Шагал получает административную должность. В его мандате написано: «Уполномоченный по делам искусств Витебской губернии». Ему дано право «организации школ, музеев, выставок».

Казалось бы, это что-то похожее на успех, пусть и достигнутый в стране, где газеты печатают будничные заметки о расстрелах за «уклонение от рытья окопов» [2]. Но не все так просто: Шагал по-прежнему выскочка, никто всерьез «комиссара искусств» не воспринимает. Свою должность он получил в обход Витебской региональной администрации, и та принимается старательно сживать его со свету.

Его первый большой проект как «комиссара искусств» – украшение города к первой годовщине Октябрьской революции. Шагал вкладывает в подготовку праздника все, что понял о «новом искусстве» в Париже. Он украшает здания авангардистскими панно, зарисовывает их арлекинами и попугаями, комбинируя эстетику модернистского «Мира искусств» и левых нерепрезентативных направлений – присутствует даже черный прямоугольник. Он делает все на свой вкус, со всей присущей ему искренностью. В «казенное» мероприятие Шагал вплетает сюжеты только-только созданных картин, настолько важных для его образности, что он будет воспроизводить их в разных комбинациях до самой смерти. «Прогулка» с летящей по воздуху возлюбленной на панно, посвященном Луначарскому – прекрасный тому пример [7]. Он устраивает карнавальное шествие, и пролетарии, а также партийный актив, наблюдая попугаев и арлекинов, очевидно, сильно не понимают Шагала. Витебск – не Париж. А за Луначарским стоят Ленин и «красный террор». История не кончилась арестом, но в красных газетах началась травля Шагала. Право организации Годовщин революции у Шагала забрали. В следующем году город скромно декорировали «цветами».

Добавим к этому жилищные неурядицы, денежную неустроенность и исход всех учеников (об этом – позже), и мы получим объяснение чуда, случившегося с Шагалом в 1919–1920 годах. Под давлением Витебска, обид и непонимания в Шагале рождается Шагал. Тот художник, которого мы знаем сегодня. Копиист умирает. Нет больше плохих вариаций на тему Матисса, нет больше потуг на гамму Сезанна или кубизм. Шагал просыпается. Влюбленные на его полотнах взлетают. Именно тут и теперь появляются все цветовые сочетания, которыми он славен: фиолетовый и изумрудный, алый и голубой. Именно тогда появляются все сюжеты, которые неизменно будут воспроизводиться: церкви, петухи, козы, ангелы, скрипки. Витебск обидел Марка Шагала, человека. Он отнял у него видимое глазу. Витебск одарил

Марка Шагала, художника. Он дал то, что глазу не видно. То, что делает богатым гения.

Витебск как Ученик

Когда земляки тебя не понимают, выбор может быть только такой: уезжай либо воспитай себе хороших, понимающих земляков. Кажется, именно этим руководствовался Марк Шагал, организовав Народное художественное училище. В короткий момент его устремления совпали с интенциями большевиков, с тем, что писал в своих статьях Ленин: вслед за обществом революция должна прийти и в эстетику, отменив в ней все «буржуазное». Проблема была в том, что Шагал и Ленин понимали «революцию в искусстве» по-разному² и первый вовсе не стремился быть понятным необразованным массам. Вместо этого он хотел, чтобы они росли вместе с художником.

Но главная драма развернулась уже после открытия Народного художественного училища зимой 1919 года. Она была связана с тем, что по приглашению ученика и друга Шагала (в «Моей жизни», изданной в 1931 году, он уже представлен предателем!) Лазаря Лисицкого в город прибыл преподавать Казимир Малевич. Уже сделавший себе громкое имя в Москве и Петрограде, Малевич перебирается в Витебск, надеясь издать в городе свою брошюру «О новых системах в искусстве»: в метрополии, переживающей голод и разруху, сделать это было уже невозможно. Очень быстро, менее, чем за год, Малевич создает в училище супрематистское объединение УНОВИС (Утвердители нового искусства) и переманивает в него всех учеников, записавшихся к Шагалу. Причину массового бегства учеников понять просто: Шагал уже выработал свой художественный язык. И научить этому языку кого бы то ни было невозможно. Да и к чему? Ведь не может быть на свете двух Сезаннов, двух Матиссов, двух Пикассо – Шагал это понял на личном опыте. Поэтому метод Шагала сложен – он пытается разбудить в своих учениках их собственный язык, например, усаживая их

писать обнаженную натуру, выдавая им только фиолетовую и изумрудную краску: пробуйте выразить свое видение через них. Язык же Малевича – не индивидуальный, а коллективный. Он приглашает влиться в себя, подражать, стать частью коммуны УНОВИС.

Через месяц-два обучения в классе у Малевича ученик считался полностью сформировавшимся художником и подключался к деятельности УНОВИСа, допускался к оформлению брошюр и книг. Естественно, метод Малевича достаточно скоро стал считаться более передовым, так как завершал формирование юных творцов в куда более сжатые сроки. Никому не хотелось просиживать в училище годами без результатов или почти без результатов. Быстрый и очевидный эффект – то, к чему стремятся многие молодые люди, приходя за образованием [7, 187].

Но Малевич отнял у своего начальника не только учеников. Шагал с женой и малолетней дочерью занимал трехкомнатную квартиру в здании Народного художественного училища, которую по требованию Губисполкома (та самая Витебская региональная администрация) вынужден был освободить, причем «комиссар города» Сергиевский «поставил на вид» комиссару искусств за «сепаратические устремления». Художника буквально выгнали из жилья. Так он описывает это в «Моей жизни»: «Однажды, когда я в очередной раз уехал доставать для школы хлеб, краски и деньги, мои учителя подняли бунт, в который втянули и учеников. Да простит их Господь! И вот те, кого я пригрел, кому дал работу и кусок хлеба, постановили выгнать меня из школы. Мне надлежало покинуть ее стены в двадцать четыре часа» [7, 188]. Освобожденные помещения предназначались под Музей современных искусств, но занял их Малевич. Более того, ему, как приглашенной московской звезде, был назначен оклад в 30 раз (!) превышавший зарплату директора и основателя училища Марка Шагала. Шагал пытался жаловаться на это в тарифно-расценочную комиссию профсоюза [4, 92], но жалоба не была удовлетворена.

И ладно бы, все это можно было бы терпеть, если бы ученики – даже ушедшие

² Сохранился массив витебских статей Шагала, пока не известных западному читателю: в них Шагал излагал свои взгляды на «левое» искусство таким образом, что становилось понятно – ничего общего с репрезентативностью Пэна, с «понятной живописью» социалистического реализма, которую Сталин сделает *le grand manière* советской эпохи, там не было: поскольку объем статьи ограничен, подробней об этом можно прочесть в моей монографии.

к Малевичу – сохраняли уважение к тому, что делал Шагал как художник. Но нет: они не просто не ценили его творчество. Они презирали его настолько, что буквально замалевывали его холсты. В Витебске пропало минимум полтора десятка картин, оставленных Шагалом при отъезде. Исчезли все его полотна, предназначавшиеся для Музея современного искусства [5, 2]. О том, что именно с ними стало, можно получить представление из воспоминаний учеников: «Дело в том, что Шагал свои холсты часто хранил в шкафах, встроенных в мастерские. Там, как по лестнице подняться на второй этаж, слева была глухая стена. Это были встроенные шкафы, а дальше шел вестибюль полукруглый и три двери в мастерские Ермолаевой, Малевича и Лисицкого. Так вот, в этих шкафах хранились работы: во-первых, учащих, лучшие работы, и преподавателей. И было там много холстов Шагала. Мы, первокурсники, холста не имели, лазили туда и воровали. Много было, видимо, потаскано холстов. Вполне вероятно, что этот холст там и пропал» [1].

Когда в 1973 году Марк Шагал приехал в СССР на открытие собственной выставки в Третьяковской галерее уже в статусе знаменитого французского художника, ему предложили посетить Витебск. Он отказался, поясняя это разными причинами: от усталости до простуды. В СССР он дал одно единственное интервью, которое пролежало неопубликованным 14 лет. Вот что он сказал: «Я безгранично люблю свой родной Витебск не просто потому, что там я на всю жизнь обрел краску своего искусства... После долгих колебаний я отказался сейчас ехать в Витебск, хотя вспоминаю о нем всю жизнь. Поэтому и отказался,

что вспоминаю. Ведь там, наверное, я увидел бы иную обстановку, чем та, которую я помню, иную жизнь. Это было бы для меня тяжелым ударом. Как тяжело навсегда расставаться со своим прошлым» [3].

Он писал витебские заборы и витебских коз на плафоне Опера Гарни, он выносил их на задник «Волшебной флейты» для Метрополитана Опера, помещал в ночное парижское небо рядом с Эйфелевой башней. Но он не решился вернуться к ним. Потому, что знал, что для художника, не понятого земляками, родной дом существует только в фантазиях.

Когда в 2002 году я представил завершённую диссертацию о Марке Шагале в Комиссию по кандидатским защитах Кафедры истории искусств и художественной критики Белорусского государственного университета в Минске, Шагал все еще был нежелателен. Меня несколько раз заставили переделать трудоемкие мелочи. Например, сменить все постраничные сноски на концевые, а те – на сноски в квадратных скобках (представьте это в эпоху еще ничего не умевших текстовых редакторов), а затем, когда я справился – просто поставили меня на паузу. Моя защита по Шагалу в Минске, столице страны, вместившей в себя Витебск, так никогда и не была назначена. Мне пришлось переместиться в Вильнюс, поступить в докторантуру Европейского гуманитарного университета и выдержать первую внешнюю защиту докторанта ЕГУ в Вильнюсской академии искусств. В 2008 году я получил докторский диплом и написал свой дебютный роман «Паранойя». Так начался мой путь прочь из блудного дома, из страны и культуры, которую я продолжаю искренне любить.

Использованная литература

- [1] Гугнин, Н. «Из истории Витебской художественной школы.» In *Шагаловский сборник: материалы I–V Шагаловских дней в Витебске* (1991–1995), ред. Д. Симанович, 101–115. Витебск, 1996.
- [2] «Информационное сообщение.» *Витебский листок*, Апрель 4, 1919, 2.
- [3] Каменский, А. А. «Шагал: Краска, чистота, любовь.» *Огонек*, № 27 (1987): 24–25.
- [4] Лисов, А. Г. «Художник и власть (Марк Шагал – уполномоченный по делам искусств).» В *Шагаловский международный ежегодник*. 2002: сб. статей, ред. А. М. Подлипский, 92–105. Витебск, 2003.
- [5] Майоров, Р. «Музейное кладбище. Что выявил «налет» рабкоровской бригады на государственно-исторический музей.» *Витебский пролетарий*, Октябрь 30, 1929, 2.
- [6] Шагал, М. *Моя жизнь*. Перевод Н. С. Мавлевич, с послесловием и комментариями Н. В. Апчинской. Москва: Эллис Лак, 1994.
- [7] Мартинович, В. *Родина. Марк Шагал в Витебске*. Москва: Новое литературное обозрение, 2016.
- [8] Хмельницкая, Л. «Марк Шагал и Блез Сандрар в Париже в 1912–1914 годах.» В *Шагаловский сборник*. Вып. 4: Материалы XXIV и XXV Шагаловских чтений в Витебске (2014–2015), 15–61. Минск, 2016.